

— «Привидение»,
режиссер Джерри
Цукер, 1990

«Дети райка» и «Набережная туманов» Марселя Карне, «На последнем дыхании», «Презрение» и «Безумный Пьеро» Жан-Люка Годара

Героев французского кино той же эпохи мучили прямо противоположные проблемы лингвистического свойства. Даром что Франция — «республика изящной словесности» и изящных чувств, французские любовники были лишены возможности побеседовать о скачках или, скажем, курсе акций. Нет, они должны были говорить именно о любви, но так, чтобы не говорить о ней. Даже слова Гаранс (Арлетти) из гиперромантических «Детей райка» (1944) Марселя Карне «Любовь — это так просто» — не лирика, а почти циничная констатация героиней исключительной легкости, с которой женщины из мира театра сближались с мужчинами. Самой же легендарной фразой французского кино считается фраза дезертира, сыгранного Жаном Габеном, из «Набережной туманов» (1938) того же Карне. Встретив в портовом кабаке, слегка отдающем притоном, загадочную Нелли (Мишель Морган) в блестящем от дождя плаще, Жан выдавливал из себя: «А у тебя красивые глаза, знаешь?» Удивительно ли, что за какие-то двадцать лет французы на экране вообще разучились говорить о любви. В фильме Жан-Люка Годара «На последнем дыхании» (1959) мелкий уголовник Мишель Пуакар (Жан-Поль Бельмондо) искренне страдал в постели американочки Патрисии, добивавшейся от него признания.

Когда же Годар снял «Презрение» (1963), заказную, дорогую экранизацию романа Альберто Моравиа со звездными актерами, предав разом все принципы «новой волны», самым радикальным выразителем духа которой он был, продюсер возмутился. Где, черт возьми, голая Брижит Бардо? Виданное ли дело, чтобы она проходила весь фильм одетой! И где, наконец, чувства, где объяснения в любви?

Годар решил проблему радикально, досняв пролог. Камера скользит по телу голый Бардо, ведущей со своим мужем (Мишель Пикколи) диалог, лиричный, как накладная:

— «Тварь из Черной лагуны», режиссер
Джек Арнольд, 1954

«Ты видишь в зеркале мои ноги? — Да.— По-твоему, они красивые? — Да, очень.— А ты любишь мои щиколотки? — Да.— А ты любишь мои колени? — Да, я очень люблю твои колени.— А мои бедра? — Тоже.— Ты видишь в зеркале мою попу? — Да.— Тебе нравятся мои ягодицы? — Да, очень.— А мои груди, ты их любишь? Которую ты предпочитаешь? — Не знаю, обе люблю.— А мои плечи? Ты их любишь? — Да.— А мое лицо? — Тоже люблю.»

В какой-то момент героев Годара не могло не прорвать, они не то что заговорили, а заорали в голос. В 1965-м на свободу вырвался поток сознания «безумного Пьеро» (Бельмондо):

«Какое счастье, что я не люблю шпинат, иначе бы я его ел, а я ведь его не выношу. Короче, с тобой у меня — то же самое, с той только разницей, что все ровным счетом наоборот».

«Привидение» Джерри Цукера

Но и эти лингвистические проблемы — ничто по сравнению с проблемой экзистенциальной. Как выразить свою любовь, если ты умер, но не совсем и зависаешь в промежуточном мире? Проще говоря, если ты — привидение? Ты людей видишь и слышишь, а они тебя — нет. К счастью, на земле развелось множество мошенников, именующих себя медиумами и утверждающими, что связь между тем и этим мирами носит двусторонний характер. Убитый по вине друга-предателя Сэм (Патрик Суэйзи) из «Привидения» (1990) Джерри Цукера остроумно использовал этот бич человечества. Являлся мошеннице-экстрасенсу в колоритном исполнении Вупи Голдберг и не оставял в покое даже в шкафу, где та пряталась, пока не вынуждал ее от своего лица предупредить жену (Деми Мур) об опасности и с запредельной искренностью признаться ей в поистине вечной любви.

— «Воспитание крошки», режиссер
Говард Хоукс, 1938